

Глава книги "Очерки по истории новейшей русской литературы"

Оригинал здесь: http://dugward.ru/library/blok/kogan_blok.html.

Лет шестьдесят тому назад Диккенс сообщил своему другу Форстеру из тихой швейцарской Лозанны о том, что он чувствует ослабление своего творческого таланта: "Я полагаю, что главная причина этого - отсутствие улиц и прохожих вокруг меня. Не могу вам сказать, до какой степени для меня необходимы улицы и толпа. Мне кажется, что они дают моему мозгу питание, недостатка которого я перенести не в силах... Один день, проведенный в Лондоне, восстанавливает мои силы. Писать без этого волшебного фонаря мучительно и утомительно".

Эти слова припоминаются нам всякий раз, когда мы раскрываем "Нечаянную Радость" Блока, эти прелестные стихи, словно пропитанные одуряющей атмосферой пьяной столичной ночи.

Блок немыслим в Лозанне или в деревне. Его можно представить себе только на парижском бульваре или в петербургском ресторане. Город, этот символ буржуазии и новой психики, принесенной ею в мир, постепенно разрастаясь, стал в наше время ликующим пьяным гигантом, который вбирает в себя весь ум и все чувство человечества и, пресыщенный ими, расслабленный от избытка, ищет в наркотических средствах источника новых возбуждений.

Опьяняющее влияние столичного города, та "творимая легенда", которая возникает в его грохоте, - легенда, имевшая на Западе Бодлера и Верлена, у нас нашла своего истинного поэта в лице Блока. Не раз уже отмечался тот факт, что вся русская художественная литература в общем была литературой деревни. Дворянский строй, крепостное право, закрепившие интеллектуальную деятельность за мыслящими представителями помещичьего класса, надолго окрасили нашу поэзию в колорит чувств и настроений великого сельского народа. Величайшие художники наши вплоть до Толстого были сельчанами по духу. Они подходили к городу как чужие, не восприняв органически его испарений. Даже у Некрасова картины столичных безумий изображены рукой чуждого городу поэта, и Достоевский, первый великий поэт города, явился в него со своей правдой только для того, чтобы не принять его. В последнее время, по мере того как ликвидируется наследие старой сельской психики, потрясенной в день 19 февраля, и русская жизнь входит в круговорот европейского буржуазного движения, постепенно захватывающего весь мир, - у нас разрастается литература города. Но мы не знаем поэта, который бы так органически сросся с городом, как Блок.

Он не знает солнца, и его душа начинает жить только тогда, когда загорается искусственный свет. Только тогда начинает работать его фантазия и творит он свою легенду.

В кабаках, в переулках, в извивах,
В электрическом сне наяву
Я искал бесконечно красивых
И бессмертно влюбленных в молву.

Он не знает уединения, потому что там уснет его душа, и только в "ликовании троттуара" вдохновляется его муза. Только в уличном беспорядочном движении раскрывается перед ним тайна; и ясной становится ему скрытная жизнь человеческой души. Он должен видеть эту "цепь фонарей", протянувшуюся "сквозь улицы сонные", эти улицы, пьяные от криков, эти "солнца в сверканьи витрин". Он любит "блистательную ложь" города, "запах пламенный духов", раскрашенные пунцовые губки и "синеватые дуги бровей". Обстановка его поэзии - те картины, которые так одинаковы с тех пор, как возникли большие города. Это те рамки, в которые втиснула жизнь мира буржуазная культура. Золотящийся крендель булочной, вдали "над пылью переулочной", "испытанные остряки", заломившие котелки и каждый день гуляющие с дамами среди канав, сонные лакеи, стоящие у ресторанных столиков, шуршание шелка дамских платьев, эти раздражающие, дурманящие звуки и краски вскормили музу Блока.

По вечерам над ресторанами
Горячий воздух дик и глух,
И правит окриками пьяными